

«Старые» и «новые» этнические соседи
(по рассказам жителей о предвоенном Биржайе
и воспоминаниям литовцев о депортации)*

Семантическая оппозиция «свое» – «чужое» рассматривается в фольклорных исследованиях в самых разнообразных аспектах: применительно к пространству, времени, социуму¹. Хорошо разработана эта тема на материале межэтнических отношений: здесь можно говорить об этнических стереотипах, о формах этнического самоописания, о мифологизированном обосновании межэтнических конфликтов и т.п.²

Традиционные фольклоризованные способы описания межэтнических отношений складываются в течение длительного времени в зонах смешанного проживания или на пограничных территориях. Однако существуют ситуации, когда этническое соседство резко меняется, и тогда возникает необходимость адаптировать привычные механизмы в соответствии с новыми условиями.

Как первую, так и вторую из вышеназванных ситуаций межэтнического пограничья можно рассматривать на литовском материале XX в. С одной стороны, если мы берем межвоенный период (1918–1941 гг.), перед нами предстает картина полиэтничного региона с непростой политической историей. Согласно Первой всеобщей переписи населения жителей Литвы (17 сентября 1923 г.),

литовцы составляли около 83% населения, евреи – около 7,5%, поляки – около 3%, русские – около 2,5%, немцы – около 1,4%, латыши – около 0,7%³. Такую ситуацию межэтнического общения условно назовем «естественной». С другой стороны, после присоединения Литвы к СССР в 1940 г. трагическая волна советских депортаций распространилась на литовцев. В 1941, 1948, 1949 и 1953 гг. состоялись массовые насильственные переселения литовцев на территорию Сибири, Коми АССР, Кировской области, Казахстана в лагеря или спецпоселения⁴, находившиеся в ведении Главного управления лагерей⁵. При этом жители Литвы (подобно многим другим жертвам ГУЛАГа) оказывались в искусственно созданных зонах этноконфессионального смешения, которые могли существовать как в виде деления на микрогруппы внутри одного лагерного барака, так и в виде появления новых населенных пунктов – спецпоселений по соседству с деревнями и поселками коренных жителей какого-либо края.

Цель данной работы – сопоставить способы описания этнических соседей литовцев в естественной и искусственной ситуации межкультурного пограничья.

Источники первой группы – это интервью с жителями г. Биржай о 1930–1940-х гг., записанные в 2013 г. в ходе школы-экспедиции по еврейской этнографии и эпиграфике, организованной

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №14-18-00590) «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

Центром «Сэфер». Источники второй группы – опубликованные воспоминания литовцев, переживших депортацию, а также данные архива «Европейская память о ГУЛАГе», содержащего интервью с вынужденными переселенцами⁶. Вторая группа текстов отсылает к периоду 1940–1950-х гг.⁷

Предвоенный (или, точнее, межвоенный) Биржай – пограничный в прямом смысле город, расположенный на границе Литвы и Латвии, в котором совместно проживали литовцы, латыши, евреи, поляки, русские, немцы: «Šia, matai, daug tautų būvo» (Здесь, понимаешь, много национальностей было) (Зап. в г. Биржай, от жен., 1914 г.р. Соб. Р. Слюжинскас).

В силу специфики экспедиции в центре внимания собирателей были вопросы о еврейской общине Биржай, однако во время интервью затрагивались также отношения жителей города и окрестностей в целом.

Бытовые рассказы удалось записать о всех этнических группах, тогда как фольклорные повествования (например, окладах или кровавых ритуалах) сформировались вокруг лишь некоторых из них. Почему мифологизированными оказываются не все этнические соседи? Помимо собственно этнического критерия выделения «чужой» группы важны также конфессиональный и территориальный.

Довоенный Биржай отличался довольно большим разнообразием конфессиональных групп (католики, лютеране, реформаты, иудеи, православные, старообрядцы), отнюдь не всегда их границы совпадали с границами этнических групп – скажем, католиками были и литовцы, и латыши, и поляки, реформатами – и литовцы, и латыши и т.д. Ситуация осложнялась практикой смешанных (межэтнических и межконфессиональных) браков. Рассмотрим один из показательных примеров:

Инф. 1: *Дедушка, отец моей матери, был реформатом, а бабушка – католичка. <...> Я видела, как это: в воскресенье, там в 12 часов бабушка и молится, и там... [Дома?] Дома. <...> А было так. Здесь когда работал Венчялис...*

Инф. 2: *Католический ксендз.*

Инф. 1: *У моей матери были три сестра и три брата. <...> И они так... в семье, наверно, так говорили... <...> девушки были католического, а сыновья – этого (ну, потому что мой дедушка был другой, реформат). Ну и моя эта бабушка водила этих девушек своих [к причастию]. <...> Этот ксендз спрашивал у бабушки – там много этих женщин было – [далее произносит по-литовски вопрос ксендза: «Девушки – католички, сыновья – реформаты, а какой ты веры? Остается только еврейская»] <...> Бабушка начала плакать, собрала свои девочки и никогда больше не ходила. <...> Её очень обидело.*

(Зап. в Немунелё Радвилишкес, от инф. 1 – жен., 1952 г.р., инф. 2 – муж. Соб. М. Вятчина)

В таких случаях оппозиция «свой»–«чужой» становится сложной и многоуровневой Кого, например, считать литовцу-католику «своим»: литовца-реформата или латыша-католика?⁸

Что касается территориального критерия, то совместное проживание и вытекающие из него частые контакты приводят к некоторому размыванию «эталонного» образа этнически «другого»: конкретные знакомые не всегда соответствуют схематичной модели «все евреи/латыши/поляки/русские», прямо противопоставляемой не менее условному конструкту «все литовцы». Здесь уместно вспомнить концепцию этничности Ф. Барта, согласно которой «там, где происходит взаимодействие между людьми разных культур можно ожидать уменьшения различий, поскольку взаимодействие одновременно требует конгруэнтности и порождает конгруэнтность кодов и ценностей – иными словами сходство или общность культуры»⁹. На примере Биржай это хорошо заметно в случае рассказов о латышах: образ «заграничных» латышей проще подвергается семантическому обобщению и стереотипизации. Информанты неоднократно упоминали о состоятельных жителях ближнего зарубежья, к которым литовцы ездили наниматься на работу или за дефицитными в Литве товарами. При этом пересече-

ние государственной границы обретает в рассказах оттенок авантюрного приключения. Таковы истории о контрабандистах, рассказанные нам Альвиной Венцкунене¹⁰: дети переплывали пограничную реку и за конфеты переносили контрабанду; мать информантки во время беременности привязывала под одежду яйца и переносила через границу, а когда пограничники спросили, что там, она ответила: «Через 2 месяца спросите». По контрасту с этим вопросы о биржайских латышах порождали перечисление конкретных имен одноклассников, соседей по улице и т.д. с индивидуальными характеристиками, а не стереотипными общими признаками, а затем следовали рассказы о дружной совместной жизни. Иными словами, биржайские литовцы и латыши выступают в рассказах как члены одной общей группы, тогда как «латвийские» латыши четко отграничиваются от литовцев как «другие».

Близкососедственные отношения и постоянные бытовые наблюдения за иноэтничными группами способствовали употреблению сравнительной модели описания – через сопоставление с собственной или другой знакомой этнической группой («они» более/менее X, чем «мы»/другие «они»):

Visi žydai gero būdo buvo, kitaip nei lietuviai.

У всех евреев был хороший характер, в отличие от литовцев.

(Зап. в г. Биржай, от жен., 1933 г.р. Соб. Ю. Леганович, К. Ужпалите)

Karaimai žydų giminės, bet ne žydai, gražesni.

Караимы родственны евреям, но не евреи, красивее.

(Зап. в г. Биржай, от жен., 1932 г.р. Соб. К. Ужпалите, Ю. Леганович)

Параметры сравнения «своих» и «чужих», озвученные в биржайских интервью, вполне типичны: внешность, одежда, пища, язык, бытовые обычаи, религия (многим из них посвящены отдельные статьи в данном сборнике). В Биржае эти отличительные особенности «соседей» воспринимаются как данность и преподносятся в рассказах инфор-

мантов без оценочных суждений, что в принципе характерно для регионов, длительное время находящихся в положении межэтнического пограничья: «Этноцентризм, присущий любой традиционной культуре, в то же время предполагал достаточную степень толерантности, обусловленную спецификой фольклорно-мифологического отношения к “чужим”. Принципы этнического соседства регулировались и регламентировались архаическими культурными моделями, в которых оценочные категории не являются релевантными, а основное значение в “мифологии соседства” придается амбивалентной семантике признаков “свой” и “чужой”»¹¹.

По сумме признаков «чужого» (различные проявления иноэтничности, иноконфессиональности, иноязычности) самыми «далекими» из ближайших соседей литовцев оказывались евреи и цыгане. Неслучайно именно ими пугали детей. Также они выступали персонажами обрядового ряжения:

[Не было такого, что литовцы наряжались как цыгане?] Это были привычки такие. <...> После Рождества есть одна неделя до Трех Королей. Вот в это время там переодет... переодет... ну, цыганами, евреями, козлами. <...> [Что делали, когда наряжались как цыгане?] Бороды, шапки такие, как у узбеков. [Если мы хотим одеться цыганами, что нам надо надеть?] Ну, плац какой-то длинный. [Жена информанта в это время говорит по-литовски, что цыганки очень красивые.] А женщины-то длинные юбки и многоцвет... многоцветные такие. [А для костюма еврея?] Тоже борода, шапка какая-то. Ну, ничего особенного (здесь и далее выделение в тексте мое – Н.П.).

(Зап. в Папилис, от муж., 1932 г.р. Соб. М. Вятчина, Н. Петрова)

В приведенном выше рассказе примечателен тот факт, что внешний вид цыгана-цыганки предельно обобщен – их можно узнать по одной-двум говорящим деталям, тогда как назвать типические черты еврея для информанта затруднительно. Тут следует упомянуть, что по свидетель-

ству большинства интервьюируемых, в конце 1930-х гг. в Биржае традиционную еврейскую одежду носили только представители старшего поколения, в то время как молодежь внешне мало отличалась от других жителей города. То есть одежда перестала выступать признаком этнической группы применительно к евреям.

В целом, если сравнивать восприятие евреев и цыган литовцами, значимым окажется следующий момент: появляясь в Биржае лишь изредка, последние не обладали важным признаком «своих», который был у евреев, – совместной территорией проживания. Потому, если в рассказах о евреях те выступают как амбивалентный этнический персонаж (частично «свой», частично «чужой»), то цыгане всеми информантами характеризовались как чужаки (помимо всего прочего вызывающие опасения своей хитростью и предприимчивостью).

Продолжая разговор о евреях и их образе, сформировавшемся у соседей-литовцев за длительное время совместного проживания, назовем те специфические типы фольклорных текстов, которые «озвучивали» этнические стереотипы (рассказы о «кровавом навете» оставим за скобками, т.к. они подробно разбираются в статье С.Н. Амосовой).

Устойчивость стереотипизированных представлений о соседях выражается в существовании вербальных формул, связывающих определенные черты характера с конкретной этнической группой (по модели «быть как X»):

Nebūk žydai.

Не будь евреем [т.е. прямым, неуступчивым].

Gyvenikim kaip broliai, o dalinkimės kaip žydai.

Давайте жить как братья, а делиться как евреи [которым свойственно помогать друг другу].

(Зап. в г. Биржае, от жен., 1933 г.р. Соб. Ю. Леганович, К. Ужпалите)

Ir tu vištos nemoki papjaut kaip ir žydai.

Ты и курицу зарезать не можешь, как еврей.

(Зап. в Квяткае, от жен., 1943 г.р. Соб. В. Градинскайте, К. Ужпалите, Ю. Леганович)

О том же говорит распространение коротких песенок-дразнилочек:

*Žydas iš miesto atėjo,
Gaidį derėti pradėjo,
Maš (mažai) davė nesulygom,
gaidis (gaidys) ant svieto paliko.*

*Еврей из города пришел,
Начал торговать петухом,
Мало дал, не сговорились,
Так петух и остался.*

(Зап. в г. Биржай, от жен., 1923 г.р. Соб. К. Ужпалите, Ю. Леганович)

Возникает вопрос, каким образом сочетаются в представлениях жителей Биржая воспроизводимые ими этнические стереотипы и воспоминания о конкретных лично знакомых людях? Вот типичный отрывок из интервью: «Sėdėjau su žydelkaite mokykloje vienam suole, viena kitai padėdavom, kas geriau kiekvienai sekdavosi (Я сидела с девочкой-еврейкой в школе за одной партой, помогали друг другу, у каждой из-за этого все лучше получалось)» (Зап. в Немунелё Радвилишкис, от жен., 1921 г.р. Соб. Р. Слюжинскас).

Как после этого происходит переключение на тексты, опирающиеся не на личный опыт, а на культурную традицию (т.е. не о соседке по парте, а о «евреях вообще»)? В рассказах об этнических соседях такой «стык» между историями, основанными на собственных впечатлениях, и воспроизведением фольклорных стереотипов часто оформляется отсылками к отделенным от информанта источникам знания («говорили, что...», «считалось, что...», «ходили слухи о том, что...»), во многих случаях сопровождаемыми заверениями, что сам информант в это не верит либо с подобным не сталкивался. Эта отделенность может быть как географической (например, так говорят не в Биржае, а в других городах), так и поколенческой (когда еврейские, литовские, польские дети играют вместе, но родители запрещают ходить в гости к евреям). Такое использование внешних отсылок показывает, что информанты рефлексии-

руют по поводу несоответствия культурной традиции, носителями которой они являются и в которой функционируют определенные тексты об этнических соседях, и их личного восприятия, формирующегося в процессе непосредственного межэтнического общения.

Следует также учитывать, что нарративная традиция проговаривать травматический опыт свидетелей Холокоста, постепенно складывавшаяся в послевоенный период, не могла не влиять на способ рассказывания о евреях. Здесь можно отметить и некоторую схематизацию в духе воспоминаний об утраченном «золотом веке», толерантном и добрососедском, и моральную недопустимость любых антисемитских высказываний, даже если они свойственны местному фольклору (например, в формате того же «кровавого навета»). Это также могло повлиять на использование названных вербальных формул «отделения» информанта от воспроизводимого им текста.

Далее обратимся к ситуации вынужденного межэтнического общения в пространстве лагеря или спецпоселения. ГУЛАГ представлял собой советскую империю в миниатюре: «Здесь был представлен весь СССР, каждая республика, каждое даже самое малочисленное национальное образование, какие существовали до массовых их депортаций с родных мест»¹².

Депортированные литовцы не только оказывались оторванными от родной земли, но и помещались в совершенно непривычное этническое окружение (где периодически попадались «старые знакомые»):

[Пос. Теребей, Коми АССР] *Таких как я и моя семья – поселенцев, переселенцев, спецпереселенцев и проч. в те годы в Коми крае была тьма. Все мы находились в разряде врагов то ли народа, то ли советской власти. Но какие же это враги? Работающий народ, без суда и следствия грубой силой оторванный от родных очагов и водворенный по медвежьим углам Коми края. Кого тут только не было: раскулаченные россияне, многочисленные поляки, литовцы, поволжские немцы,*

*невесть откуда взявшиеся китайцы, затем после войны – опять одесские и прочие немцы, так называемые власовцы, т.е. военнопленные, того Власова и в глаза не видевшие...*¹³

[Степлаг, Казахстан] *Других национальностей меньше было, чем нас. Самый большой контингент украинцы были, потом русские, и иногда в лагерях литовцы второе место занимали, иногда русские занимали. Ну, белорусы. Бывшие военнопленные, французы, которые почти все погибли. Немцы еще были, японцы еще были военнопленные и все другие. Другие, я говорю, и индийцы были, американцы были, англичане были, турки были. Вы знаете, я не могу сейчас прочитать список, у меня есть список даже такой. И евреев было много, евреев было очень много, таких знаменитостей, очень хороших таких специалистов было*¹⁴.

*Постепенно мы привыкли, но вначале Сибирь показалась нам очень мрачной, серой, негостеприимной. Потом, когда пришла весна, поля стали вдруг зелеными, красивыми. А еще мы познакомилась с другими людьми. Мы привыкли... местные жители... русские соседи... было много национальностей.... Представляют, русских было меньшинство в поселке. <...> Большие всего в поселке было поволжских немцев. Они были очень добры к нам, мы с ними познакомилась. Они тоже были католиками. Потом, в городе... до 1953 года... Еще были калмыки, они тоже были добры. Очень добры. Это были хорошие, честные люди. Были и другие народы, например, чуваша, украинцы... Но больше всего было литовцев и немцев*¹⁵.

Среди стратегий межэтнического поведения в ГУЛАГе встречались следующие:

а) объединение в моноэтнические группы:

[Карагандинский лагерь] *Однако в лагере имели место не только несправедливость и попрание человеческих прав. Были также истинно дружес-*

ские и братские отношения, верность, сердечная любовь. Чаще всего такие отношения наблюдались между людьми одной национальности. **Литовцы дружили с литовцами, украинцы – с украинцами, эстонцы – с эстонцами...** Некоторые заключенные жили одним «котлом» – все у них было общее, кормились, по большей части, из одного котелка. Все, что удавалось достать одному, делилось пополам – на двоих, и съедалось вместе. Иногда собирались группами, пели и молились¹⁶.

б) создание межэтнических, но близкотерриториальных – в соответствии с исходным местом проживания – групп (по сути, это можно назвать попыткой выстроить привычное «пограничье» на новом месте):

[Озерлаг, станция Анзеба, штрафной спецлагерь № 308] *В одном из барачков, самом большом, располагалась «индия», то есть самая что ни на есть разнообразнейшая публика всех национальностей. В другом – только украинские националисты, бандеровцы, как называли их. В третьем – прибалты: литовцы, латыши, эстонцы*¹⁷.

в) вынужденные новые коалиции.

[Пос. Коугустах, Якутия] *Мы, представители трех наций (литовцы, финны и поволжские немцы – Н.П.), обреченные на гибель, жили в одинаковых условиях и все невзгоды делили на равные три части*¹⁸.

Незнакомые ранее этнические соседи зачастую сливались для литовцев в некую нераздельную общность «других», выделить в которой отдельные этнические группы, не владея опознавательным «инструментарием», достаточно затруднительно:

*Одно время в Сибири нас конвоировали монголы, а может быть, буряты*¹⁹.

Только небольшая горстка китайцев дождалась окончания войны, получила какие-то доку-

*менты и поехала домой. Но в Китае их встретили неприветливо, поэтому не уехавшие, узнав о таком повороте дел, так и остались в Коми, растворившись со временем в неизвестности. Были-были и не стали. За долгие годы так и не сумели хорошо выучиться русскому, всё «моя-твоя». Уже в пятидесятые годы пришлось мне с ними жить в Негакеросе. Ближе познакомились, выяснил, что это корейцы Кимдиен и Липенсу. Это были трудолюбивые, спокойные, скромные и очень вежливые люди*²⁰.

Ярким примером совершенно «новых» для литовцев этнических соседей являются якуты. Поскольку какие бы то ни было культурно-исторические предпосылки для формирования этнических стереотипов о якутах в литовской традиции отсутствуют, рассказы о них больше напоминают жанр этнографических заметок, сделанных внешним наблюдателем. И тут, естественно, нет места сравнительным описаниям, о которых шла речь выше. Сама фраза «в отличие от литовцев якуты...» кажется невозможной, т.к. слишком мало общих оснований для сопоставления (иные язык, религия, образ жизни, даже природные условия):

[Пос. Коугустах, Якутия] *Тундровые якуты не живут оседло. Природные условия заставляют их кочевать. Лето и осень они проводят у рек и проток. Там они живут в тордах (сборно-разборных каркасных чумах – Н.П.), рыбачат, питаются рыбой и дичью. У рек в вечной мерзлоте они выдалбливают неглубокие подвалы-ледники, но почему-то туда закладывают уже несвежую рыбу и птицу. Этим вонючим кормом кормят собак, а когда прижмает голод... едят и сами. Зимой якуты перебираются подальше от рек на более высокие тундровые места, где растет олений мох (олений лишайник, ягель). Якуты, занимаясь оленеводством, не могут жить оседло: после выпаса в одном месте они со всем стадом перебираются за двадцать-тридцать километров в другое место и там живут два-три месяца*²¹.

Все характеристики, даваемые якутам автором текста, базируются исключительно на личных впечатлениях, всю ограниченность которых он вполне осознает:

Я пишу только о тундровых якутах Усть-Янского района, среди которых мне приходилось длительное время жить. Я совсем не касаюсь таежных якутов, ибо образа жизни я не знаю. А все обобщать – дело непозволительное. Если в Литве (где территория 65 тысяч кв. км и около 3,0 миллионов литовцев) жемайтисы своим языком и характером очень отличаются от аукштайтисов, а дзукасы от сувалькетисов, то что и говорить о якутской нации, имеющей только 285,7 тысяч человек, но разбросанную на огромнейшем в 3.000 тысяч кв. км пространстве, на котором свободно могли бы разместиться 46 Литовских республик²².

Еще один любопытный момент: «старые» этнические соседи обладают обобщенными свойствами, наличие которых традиция может никак не объяснять (см. выше об упрямстве или взаимовыручке евреев). В случае же с «новыми» делаются попытки логически объяснить те или иные свойства характера или умения и навыки, т.к. утверждение «русские пьют, потому что русские»²³ здесь не работает:

В тундре, особенно в полярную ночь, ни дорог, ни ориентиров не было. Направление якуты устанавливали по звездам, по установившемуся ветру или чутьем. А чутье – дар врожденный.

Якуты в полярную ночь на дальнем пути чувствовали направление даже по стуку нарты. У моря весь снег бывает бороздчатый доминирующими ветрами. С северо-запада на юго-восток тянутся длинные, острые и очень крепкие снежные борозды-наструги. Они хорошо выдерживают человека, выдерживают и нагруженную нарту. Когда нарта едет, то задние концы полозьев падают со снежных настругов вниз и слышится стук, характерный только для определенного направления. В зависимости от направления нарты, один конец полоза соскакивает от наструга на какое-то время быстрее, чем второй. В темноте по монотонному стуку нарты якут чувствует верность выбранного направления²⁴.

В данном тексте автор не удовлетворяется констатацией факта свойственного якутам умения ориентироваться в тундре. Даже называя это чутье врожденным даром, он считает нужным связать его с абсолютно нетаинственными физическими законами: структура снега зависит от окружающих условий, нарта неодинаково перемещается по разным видам снега, и якуты фиксируют эти изменения.

В отличие от рассказов о «старых» этнических соседях, где повествователь (будучи носителем фольклорной традиции) вынужден вербально отделять себя от нее, чтобы объяснить противоречия между нею и его личным опытом, тексты о ГУЛАГовском пограничье выстраиваются с позиции внешнего наблюдателя, практически свободного от стереотипных пресуппозиций.

Примечания

¹ Обзор связанных с этим фольклорных мотивов в славянской традиции см.: Белова О.В. Свой-чужой // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 4. М., 2009. С. 581–582.

² См. например, об этом: The Blood Libel Legend: A Casebook in Anti-Semitic Folklore / Ed. A. Dundes. Madison,

1991; Бартминский Е. Этноцентризм стереотипа. Польские и немецкие студенты о своих соседях // Славяноведение. 1997. № 1. С. 12–24; Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005; Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурном аспекте: Сб. ст. / Отв. ред. Г.П. Нешименко; М., 2000; Этническое и языковое само-

сознание: Материалы конференции / Отв. ред. В.П. Нерознак. М., 1995 и мн. др.

³ Lietuvos gyventojai: pirmojo 1923 m. rugsėjo 17 d. visuotinio gyventojų surašymo duomenys. Kaunas, 1923 [Электронный ресурс] URL: <http://statistikouzasai.files.wordpress.com/2013/05/lietuvos-gyventojai-pirmojo-1923-m-rugsc497jo-17-d-visuotinio-gyventojc5b3-surac5a1ymo-duomenys.pdf> (дата обращения 06.03.2014).

⁴ «Спецпоселение (трудпоселение, спецпосёлок) – общее, типовое название населённого пункта, включённого в масштабную систему режимных поселений граждан, высланных в административном порядке в 1920–1950-е годы. Спецпоселение управлялось поселковыми и районными спецкомендатурами и отделами спецпоселений ГУЛАГа НКВД СССР». (Термины // Сайт Пермского краевого отделения Международного общества «Мемориал» [Электронный ресурс] URL: <http://www.pmem.ru/index.php?id=1620> (дата обращения 04.01.2015)).

⁵ Рассекреченные документы о депортациях были опубликованы в постсоветский период. См., например: Иосиф Сталин – Лаврентию Берию «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. М., 1992; Сталинские депортации 1928–1953 / Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005.

⁶ О проекте см.: [Электронный ресурс] URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/le-projet> (дата обращения 01.03.2014).

⁷ Сразу необходимо отметить, что географический охват текстов второй группы значительно шире, чем у первой, туда включены рассказы жителей различных литовских регионов.

⁸ Этот вопрос, естественно, является риторическим, т.к. специфика межконфессиональных контактов в Биржае нуждается в отдельном детальном рассмотрении.

⁹ *Барт Ф.* Границы этнических групп // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М., 2006. С. 18.

¹⁰ Зап. в. Немунелё Радвилишкес, жен. 1933 г.р. Соб. О. Белова, Н. Петрова, С. Амосова.

¹¹ *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005. С. 48.

¹² Воспоминания бывшего заключенного Кястутиса Лакшицкаса // Панов Ю.П. Сиблаг Гулага: Док. повествование. Кемерово, 2005. С. 364.

¹³ *Рацenas П.* Литва-Коми-Литва. Записки спецпереселенца. Сыктывкар, 2006. С. 7.

¹⁴ Интервью с Антанасом Сейкалисом. [Электронный ресурс] URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/media/seikalis-1> (дата обращения 07.03.2014).

¹⁵ Интервью с Антанасом Панавасом [Электронный ресурс] URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru/media/panavas-2-bis> (дата обращения 07.03.2014).

¹⁶ *Прейгерзон Ц.И.* Дневник воспоминаний бывшего лагерника (1949–1955). М., 2005. С. 105–106.

¹⁷ *Гериман М.Д.* Приключения американца в России (1931–1990). Нью-Йорк, 1995. С. 221

¹⁸ *Гасюнас Ю.* Отрывок из книги «Круги ледового ада» // Литовцы у Ледовитого океана / Сост. Р. Мерките [и др]. Якутск, 1995. С. 153.

¹⁹ *Вайшвиллене Н.А.* Судьба и воля. Магадан, 1999. С. 61.

²⁰ *Рацenas П.* Указ. соч. С. 39.

²¹ Там же. С. 155.

²² Там же. С. 157.

²³ Анекдот про русских, записанный в Биржае: Говорят, в России был конкурс лунов. Один говорит, что пошел на охоту, заправил свое ружье, бах – попала лиса и заяц, к дереву прицепили волка. Другой опять какую-то сказку сказал. А третий сказал: шли из города, несли бутылку водки, но не имели рюмку, бутылка целая осталась. Комиссия сказала: «Вот первое место!» (Зап. в Папилисе, от муж. 1932 г.р. Соб. М. Вятчина, Н. Петрова).

²⁴ *Гасюнас Ю.* Указ. соч. С. 157.